
ДИСКУССИИ

М. Эллман

Советская индустриализация: выдающийся успех?*

Задачей книги Роберта Аллена является отчет об итогах канувшего в небытие «советского эксперимента» посредством анализа таких вопросов, как «что получилось?», «чего не удалось достичь?», «по каким причинам?», и, наконец, «чему можно научиться на примере советской истории?» Сомнительная необходимость коллективизации и ее место в советской индустриализации, изменившееся положение женщин в обществе, роль потребления в экономическом росте страны, эффективность инвестиций в тяжелую промышленность, режим работы советских предприятий, значимость экономического роста СССР в международной перспективе, — эти и другие дискуссионные и спорные темы охвачены в этой книге. По многим вопросам заключения автора довольно сильно разнятся с мнениями, выраженными в современных экономических учебниках, а также с тем, чему учат университеты по всему миру. Аллен видит советскую индустриализацию как успешную историю, включающую многие положительные моменты: от возросшего уровня жизни до быстрого увеличения городской занятости и создания эффективного сельскохозяйственного сектора.

Эта иконоборческая книга об экономической истории Советского Союза в основном сосредоточена на периоде между 1928 и 1940 гг. В первых главах автор помещает советское развитие в мировой исторический контекст и анализирует досоветскую экономику России. Следующие две главы книги посвящены новой экономической политике, затем в пяти главах обобщается сталинская индустриальная революция, и еще одна глава книги уделяет внимание пост-сталинскому периоду. Книга хорошо написана и содержит полезную библиографию. В ней широко используются сравнения с другими странами и историческими периодами, а также применяется модель общего равновесия для изучения причин происходившего в СССР и последствий возможных отклонений от экономического курса.

В первой главе Аллен подчеркивает достижения Советского Союза в индустриализации и экономическом росте и положительно сравнивает их с

* Рецензия на кн.: Allen R.C. *Farm to Factory: a Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 2003 (Аллен Р. От фермы к фабрике: реинтерпретация советской промышленной революции).

Данная рецензия является переводом статьи, опубликованной в журнале «Slavic Review» (Vol. 64, № 4), издаваемом «Американской ассоциацией по продвижению славянских исследований» (American Association for the Advancement of Slavic Studies). Перевод осуществлен с разрешения издателя.

такими странами, как Аргентина и Индия. В главе 2 автор, признавая данные П. Грегори по российскому экономическому росту в 1885–1913 гг., тем не менее не соглашается с «оптимистичной» точкой зрения Грегори о том, что без большевиков Россия достигла бы уровня экономического развития «первого мира». Аллен убежден, что ситуация до 1913 г. была «подъемом, обусловленным одноразовым источником, вкупе с налетом индустриализации, вызванной тарифами». Рост вытекал из бума на мировом рынке зерна, а также государственного содействия в строительстве железных дорог (с использованием тарифов для поддержки производителей)¹. Оба источника роста были по существу временными. По окончании Первой мировой войны подъем на рынке зерна сменился депрессией, а к 1913 г. основные железнодорожные линии уже были построены, устраняя таким образом основную опору индустриализации. Более того, экономическое развитие России до 1914 г. создало механизмы своего собственного уничтожения. Реальные заработные платы не менялись, так что экономический рост привел к растущему числу неудовлетворенных рабочих. Цена земли возросла, вызывая завистливые взгляды крестьян на чужие владения. Экономический рост до 1914 г. не был самоподдерживающимся и расшатывал социополитическую систему. Если бы не большевики, Россия была бы обречена на то, чтобы стать страной третьего мира. Аллен в своих умозрительных построениях предполагает, что без большевиков существовала бы одна единая «Россия» с одной экономической судьбой. Но к концу Первой мировой войны Российская империя вполне могла развалиться на многочисленные фрагменты с разными экономическими судьбами, наподобие тому, как в 1991 г. распался Советский Союз. Аллен превозносит СССР за то, что к 1989 г. он превратился в страну среднего дохода, но забывает отметить, что одна из частей Российской империи, Финляндия, стала страной первого мира. И Финляндия добилась этого без «преимуществ» советской системы. К тому же сама идея о том, что экспорт сырья, протекционизм и конец быстрой постройки железных дорог неминуемо ведут к концу экономического роста, не слишком убедительна, поскольку Соединенные Штаты также испытывали влияние этих трех факторов.

Третья глава затрагивает дискуссию об индустриализации. Автор вводит модель Фельдмана — Нурксе и представляет ее как ключ к пониманию советской экономической истории. Он утверждает, хотя и не доказывает, что курс Сталина отражал логику модели Фельдмана. Однако, вполне возможно, что курс Сталина отражал веру большевиков в неизбежность конфликта между СССР и капиталистическими странами и необходимость развивать военную промышленность для подготовки к такому столкновению. Резолюция о пятилетнем плане, утвержденная Пятнадцатым съездом

¹ Allen R.C. Op. cit. P. 26.

партии в 1927 г., за год до публикации модели Фельдмана, утверждала, что «учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время»¹.

Сельское хозяйство в течение периода нэпа и его роль в экономическом развитии обсуждаются в главе 4. Аллен утверждает, что производительность земли в СССР была на хорошем уровне по северо-американским стандартам. Действительно, советское сельское хозяйство было эффективным, если судить по производительности земли и сравнивать ее с уровнями США и Канады. Однако, производительность труда была низкой и характеризовалась массовым избытком сельского населения. Исследование Аллена неявно показывает, что община была эффективным механизмом социального обеспечения. В то время как развитие капиталистического сельского хозяйства привело бы к массовой безработице и переселению, община создавала минимальный доход для всех. Использование данных Аллена при сравнении советской и северо-американской производительностей земли представляется проблематичным. Автор сравнивает производительность американских и канадских равнин в промежутке между 1918 и 1922 гг. с производительностью в России в исключительно урожайный 1913 г. Уместнее было бы использовать данные за больший промежуток времени, например за 1909–1913 гг. В этом случае относительная позиция России ухудшается, и создается возможность для роста советской урожайности в 1920-е и 1930-е гг. В спорном вопросе о причинах кризиса на рынке зерна в конце 1920-х гг. Аллен возлагает ответственность на советскую ценовую политику. Если бы относительная цена зерна была бы несколько выше, крестьяне были бы готовы предложить на рынок больше зерна. Это, возможно, и так, однако социально-экономическая политика, разрешающая увеличение числа благополучных крестьян, которую подразумевает такое предположение, была несовместима с распространенным убеждением большевиков о «построении социализма».

В пятой главе дается беглый отчет о роли советского экономического планирования и быстрой индустриализации. Глава 6 затрагивает демографическое развитие и концентрирует внимание читателя на том, почему Советский Союз избежал судьбы Индии и испытал лишь умеренный рост населения. Аллен упоминает дополнительную смертность от голода, репрес-

¹ Пятнадцатый съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1962. Ч. 2. С. 1442. Согласно Л.М. Кагановичу, данная формулировка была основана на предложении, сделанном самим И.В. Сталиным. См.: Каганович Л.М. Памятные записки. М., 1996. С. 400.

сий и в период Второй Мировой войны. Однако основными причинами умеренного роста населения, по мнению автора, стали резкое уменьшение рождаемости, вследствие больших возможностей для образования женщин, а также рост в потреблении калорий, приведший к уменьшению числа желаемых детей. Регрессия Аллена не может объяснить порядка 40 процентов в уменьшении рождаемости (по-видимому, в результате войны). В послевоенные годы реальная рождаемость была ниже уровня, предсказываемого уравнением Аллена.

Седьмая глава посвящена обсуждению уровня жизни. Разделяя общепринятую точку зрения о том, что *городское* потребление на душу населения в 1937 г. было выше, чем в 1928 г.,¹ автор идет дальше и утверждает, что *среднее* потребление на душу населения значительно выросло за этот промежуток времени. Аллен справедливо отмечает, что изменение по-разному касалось разных групп населения. В наибольшей степени выиграли деревенские жители, переехавшие в города с более высоким жизненным уровнем, бывшие безработные, а также начавшие работать вне дома городские женщины. Верны ли аргументы Аллена в этом важном вопросе?

Чтобы обосновать свой вывод, автор начинает анализ с вычисления калорий, потребляемых на душу населения России и СССР с 1885 до 1989 г. Аллен сам отмечает, что его подсчеты, затрагивающие период до 1914 г., существенно разнятся с вычислениями Виткрофта², но не приводит никаких объяснений такого различия. Его оценки по калориям до 1914 г. неожиданно низки, в результате чего Аллен приходит к заключению, что потребление калорий в 1932 г. было выше чем во многие годы до 1914 г. Получается, что голод 1933 г. не был связан с уменьшением в доступности продуктов питания в соответствии с анализом Амартия Сена³. Это выглядит удивительным, поскольку, похоже, именно уменьшение доступности продовольствия вызвало крупнейшие эпизоды голода XX в. (голод в Китае в 1959–1961 гг.), голод в России в 1891–1892 гг., голод в блокадном Ленинграде 1941–1942 гг. и голод в Советском Союзе 1947 г. Возможно, выводы Аллена попросту указывают на то, что его вычисления потребления калорий до 1914 г. не могут сравниваться с данными советского периода. Как отмечает сам автор, необходимо обратить внимание на то, что все его вычисления основаны на данных производства, а не потребления и поэтому не являются совершенной мерой реального потребления.

¹ Ellman M. *Socialist Planning*. 2 ed. Camb., 1989. P. 107; Harrison M. *National Income // The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945* / Ed. By R. W. Davies, M. Harrison, S. G. Wheatcroft. Camb., 1994. P. 52–53.

² Wheatcroft S.G. *The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels* // *Slavic Review*. Vol. 58. 1999. Spring, № 1. P. 51.

³ Sen A. K. *Poverty and Famines*. Oxford, 1981.

Аллен уделяет много внимания хорошо известным работам Чапмана и Бергсона по анализу советского потребления¹. Делая ряд поправок к данным Бергсона, каждая из которых выглядит весьма правдоподобной, он приходит к противоположным выводам². Что остается не ясным, так это, каким образом наличие дефицита товаров принимается в расчет. Дефициты играли большую роль в советской экономике, а их степень различалась в разных местах и в разное время. В своей недавней работе Г. Ханин напоминает, что дефицит усилился между 1938 г. и первой половиной 1940 г., то есть в тот период, когда, по мнению Аллена, советское потребление достигло беспрецедентно высокого уровня³. Подобным образом Е.А. Осокина в своей монографии по советскому потреблению, рассматривает период 1939–1941 гг. как кризисный, с широкораспространенными дефицитами на основные продукты питания⁴.

Для большинства читателей наиболее сомнительным аспектом в аргументах Аллена станет, по-видимому, заключение о том, что сельское потребление на душу населения в 1938–1939 гг. было не ниже (и даже немного выше) чем в 1928 г. В действительности тот же результат вытекает и из анализа, представленного в книге Хантера и Ширмера⁵. Он получается не путем прямой оценки потребления основанной на опросах по поводу бюджета домохозяйств, а на комбинации уменьшения сельского населения и оценок урожая зерна в 1937–1940 гг., который был значительно выше уровня 1928 г. Таким образом, результат в большой степени зависит от данных, использованных для оценки урожая 1937–1940 гг. По всей видимости, Аллен использует известные оценки советского сельскохозяйственного производства, полученные Виткрофтом и Дависом, хотя их авторы сами отмечают что «урожай зерна 1937–1940 гг., вероятно, преувеличен»⁶. Более того, Аллен нигде не отмечает низкий урожай 1936 г. и последовавшие за ним в начале 1937 г. дефициты продуктов питания, потребление заменителей хлеба, недоедание, болезни, с этим связанные, и голод. Доклады НКВД о «продовольственных затруднениях», миграция из облас-

¹ Chapman J.G. *Real Wages in Soviet Russia since 1928*. Camb., 1963; Bergson A. *The Real National Income of Soviet Russia since 1928*. Camb., 1961.

² Удивление вызывает тот факт, что в своем анализе работы Бергсона Аллен не ссылается на И. Бирмана, который приводит критику оценок советского потребления в поздний период, полученных ЦРУ. См.: Birman I. *Personal Consumption in the USSR and the USA*. N.Y., 1989.

³ Ханин Г.И. *Экономическая история России в новейшее время*. Новосибирск, 2003. Т. 1. С. 29.

⁴ Осокина Е. А. За фасадом «Сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. Москва, 1998. С. 206–218.

⁵ Holland H., Szyrmer J. *Faulty Foundations: Soviet Economic Policies, 1928–1940*. Princeton, 1992. P. 41, 47.

⁶ *The Economic Transformation of the Soviet Union...* P. 288, ref. «f» (курсив авторов).

тей, наиболее затронутых этим явлением, тяжелое недоедание, смерти от болезней и голода в начале 1937 г. составляют иронический комментарий к утверждениям Аллена о сельском потреблении этого года¹. Также автор не сравнивает пропорцию сгнившего или потерянного иным образом статистически учитываемого сельскохозяйственного продукта в конце 30-х гг. с теми же цифрами десятилетием ранее. Вывод уровня потребления из данных по производству всегда проблематичен. Но проблемы стоят особенно остро, когда налицо качественные различия между сравниваемыми ситуациями. Неявным образом аргументы Аллена основаны на предположении о том, что система распределения товаров в конце 30-х гг. была столь же эффективна, как и в конце 20-х гг. Однако, по мнению Е.А. Осокиной, «государственная торговая сеть [в 30-х гг.] была слаборазвитой и неравномерной по регионам. Она не могла конкурировать в эффективности с частной торговлей периода нэпа. <...> В результате, особенностями социалистической торговли стали задержки, бедный и недостаточный ассортимент, длинные очереди и большие потери»².

В добавление к этому, изменения в потреблении могут служить хорошим индикатором уровня жизни только в периоды *маргинальных* изменений. В условиях *структурных* изменений такое использование данных менее удовлетворительно. Между 1928 г. и концом 1930-х гг. советский общественный строй претерпевал ряд важных изменений, которые должны быть приняты во внимание при сравнении уровней жизни. К примеру, 1937–1938 гг., годы «высокого жизненного уровня» по Аллену, были омрачены широким террором государства против собственных граждан, так что обычное число смертей было превышено приблизительно на один миллион³. Более миллиона граждан были сосланы в ГУЛАГ (лишь часть из них были жертвами «массовых операций») ⁴. Близкие родственники жертв (супруги, дети, родители) также понесли ущерб. Наконец, около 200 тысяч людей были депортированы. Эти факты не имеют значения при анализе «жизненного уровня» в 1937–1938 гг.? Посмотрим на одну из частей СССР несколькими годами позже. В период оккупации 1941–1943 гг. жители украинских сел, возможно, имели более высокое потребление продуктов пита-

¹ Трагедия советской деревни / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинга и Л. Виола. М., 2004. Т. 5. Кн. 1. Док. 71, 76, 81, 93, 94, 98, 106, 125 и 127.

² Osokina E. A. Economic Disobedience under Stalin // *Contending with Stalinism* / Ed. By L. Viola. Ithaca, 2002. P. 180.

³ Эта цифра может быть найдена в: Ellman M. Soviet Repression Statistics: Some Comments // *Europe-Asia Studies*. Vol. 54. 2002. № 7. P. 1151–1172.

⁴ Getty J. A., Rittersporn G. T., Zemskov V. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // *American Historical Review*. Vol 98. 1993. № 4. P. 1017–1049; *Население России в XX веке: исторические очерки* / Под ред. И. Полякова и В. Жиромской. М., 2000. Т. 1. Гл. 14.

ния на душу населения, чем в предшествующий советский период (отчасти поскольку оккупанты ослабили ограничения на личные хозяйства, и отчасти из-за возросших возможностей для неформальных приобретений сельскохозяйственных факторов производства и конечных продуктов от больших ферм)¹. Но было бы странным утверждать, что «жизненный уровень» в селах Украины был выше в период оккупации, игнорируя, тем самым, жестокость социополитического обращения со стороны нацистов. Депортация сельских жителей Украины в Германию, при предположении о перенаселения деревень, увеличила потребление на душу населения в Украине. Это тоже служит основанием утверждать об повышении «уровня жизни»?

То, что в конце 30-х гг. сельское население СССР чувствовало себя хотя бы не хуже чем в 1928 г., отнюдь не очевидно. На это указывает, например, теплый прием, оказанный фашистским войскам в Украине. И, по-видимому, не только украинские сельские жители не заметили тех «улучшений в уровне жизни», которые выявил Аллен. В апреле 1943 г. советский полковник докладывал генеральному секретарю Коминтерна что «на Дону и Кубани немцы успешным образом снискали расположение местных жителей; <...> немцы, в основном, играли на чувствах жителей по отношению к колхозам. Их расформирование отмечалось как значительный праздник»². Не очевидно и то, что работницы фабрик в 1940–1941 гг. (группа, на которой, согласно Аллену, советское увеличение потребления сказалось благотворно) считали, что они живут лучше, чем их матери или они сами в 1928 г. Не каждый воспринимает как освобождение долгие часы работы на шумных и вредных для здоровья фабриках и заводах за мизерную зарплату под руководством авторитарных начальников плюс поездки на работу и обратно. Во времена Британской промышленной революции занятость женщин на предприятиях также возросла, но немногие историки расценивают это как признак повышения уровня жизни.

Аллен приводит демографические данные в поддержку своих доводов о жизненном уровне. Однако, его аргументы в этом случае только запутывают. Сравнивая среднюю ожидаемую продолжительность жизни женщин при рождении в середине 1920-х и в конце 1930-х гг., автор приходит к выводу, что «в среднем советская женщина конца 30-х гг. жила примерно на 5 лет дольше, чем женщина из середины 20-х»³. Но данные о средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении не являются прогнозом о том, как долго будет жить родившийся (если только не предполагать, что

¹ Berkhoff K. Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Camb., 2004. Chap. 5.

² The Diary of Georgi Dimitrov / Ed. by I. Banac. New Haven, 2003. P. 270. Полковником был Илья Старинов, а генеральным секретарем Коминтерна — Георгий Димитров.

³ Allen P. Op. cit. P. 151.

ситуация будет неизменной в течение десятилетий). На самом деле эти данные представляют собой сводку смертности по возрастам за соответствующий год. Настоящая продолжительность жизни женщин, родившихся в середине 20-х гг., определяется коэффициентом смертности, подсчитанным по итогам их собственных жизней, включающих как голод 1931–1934 гг., так и Вторую мировую войну. Аналогичным образом на фактическую продолжительность жизни женщин, родившихся в конце 30-х гг., сильное влияние оказали высокая смертность во время войны среди гражданского населения, смертность от голода 1947 г. и последующее послевоенное уменьшение уровня смертности. Падение смертности в конце 30-х в сравнении со смертностью населения того же возраста в середине 20-х гг., а также растущее расхождение в смертности мужчин и женщин, представляют собой важные наблюдения, заслуживающие дополнительного исследования. Первое явление можно частично объяснить избыточной смертностью в течение предшествующего голода, от которого, вероятно, погибли наиболее слабые жители, так что уцелевшие соотечественники имели меньшую смертность.

Причины быстрой индустриализации Советского Союза обсуждаются в главе 8. Аллен приходит к традиционному выводу, что источником стала мобилизация капитала и труда. Однако анализ накопления капитала, которому автор оказывает предпочтение, строится в большой степени на работе Фельдмана, и игнорирует модель Станислава Гомулки¹. Рост за счет импорта даже не упоминается. Аллен утверждает, что сектор средств производства развивался по модели автаркии и что «вывоз пшеницы и ввоз оборудования <...> не являлись необходимыми для быстрого роста»². В действительности зерно вывозилось постоянно между 1928 и 1941 гг. Экспорт составлял в среднем 13,2 млн т в течение четырех лет между 1930 и 1933 гг., 3,3 млн т в 1937–1938 гг. и около 2 млн т в 1940 г. и первой половине 1941 г. В то же время главным элементом первой пятилетки был ввоз машин и оборудования из Германии и Соединенных Штатов. Тот рост во второй пятилетке, который столь поражает Аллена, в большой степени происходит из импорта иностранного оборудования и опыта, полученного несколькими годами ранее. Существенный ввоз иностранной технологии имел место в течение всего советского периода. Обрисованная Алленом картина роста в режиме автаркии без экспорта сырья (сначала зерна и леса, потом нефти) и импорта технологии в целом обманчива.

¹ Gomulka S. Inventive Activity, Diffusion; and the Stages of Economic Growth. Aarhus, 1971; Gomulka S. Import Led Growth: Theory and Estimation // On the Measurement of Factor Productivities: Theoretical Problems and Empirical Results / Ed. by F. L. Altmann, O. Kyn, H. J. Wagener. Göttingen, 1976. Gomulka S. Growth, Innovation and Reform in Eastern Europe. Brighton, 1986.

² Allen P. Op. cit. P., 170.

Мобилизация труда явилась следствием таких факторов, как перенаселение деревень, привлекавшая в города разница в уровне жизни, наконец, коллективизация и голод, которые тоже гнали селян. Мобилизации также способствовала разница между критерием рациональной работы советских предприятий (предоставлять занятость до тех пор, пока предельный продукт труда рабочих положителен) и критерием рационального капиталистического производства (нанимать работников до тех пор, пока предельный продукт труда выше, чем заработная плата). Падение роста после 1937 г. Аллен объясняет возросшими военными расходами. Гипотеза о том, что это падение могло частично произойти по вине сталинщины (т. е. государственного террора 1937–1938 гг.), не рассматривается.

Глава 9 вносит полезный и солидный вклад в дискуссию о финансировании советских инвестиций. Аллен ясно показывает, как выводы, сделанные Барсовым, Милларом и Элманом, касающиеся неравного обмена, могут быть приведены в соответствие с широко известной значимостью косвенных налогов на переработанные сельскохозяйственные продукты в финансировании советского бюджета в 1930-е гг.¹ Однако, заголовок «Преображенный в действии» не придает значения тому факту, что Преображенный строил теории *социалистического* накопления. Стал ли бы он называть производственные отношения в СССР в конце 1930-х гг. «социалистическими», далеко не очевидно.

Глава 10 затрагивает постсталинский спад. Выводы Аллена заключаются в том, что падение роста в Советском Союзе было следствием возросших военных расходов и серии ошибочных решений по распределению инвестиций (в реконструкцию вместо нового строительства; во все более дорогостоящую добычу полезных ископаемых вместо разработки энергосберегающих технологий). Согласно такой логике, коллапс СССР был вызван не недостатками экономической системы, а случайными ошибками в экономическом курсе. Автор обращает внимание на то, что различие между системой и курсом в данном случае не ясно, поскольку сама сущность системы позволяла руководству не только совершать ошибки, но и настаивать на воплощении неверного и, в конце концов, рокового экономического курса. По всей видимости, анализ Аллена не принимает во внимание аргументы Конторовича и Ханина о том, что данные по основным фондам и данные по инвестициям не были должным образом откорректированы,

¹ Барсов А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969; Millar J. R. Mass Collectivization and the Contribution of Soviet Agriculture to the First Five-Year Plan // *Slavic Review*. Vol. 33. 1974. № 4. P. 750–766; Ellman M. Did the Agricultural Surplus Provide the Resources for the Increase in Investment in the USSR during the First Five-Year Plan? // *Economic Journal*. Vol. 85. 1975. P. 844–863.

чтобы принять в расчет инфляцию и износ¹. Вполне вероятно, что автор объясняет ошибочные данные.

За исключением последней главы эта работа посвящена вопросам, которые были актуальны десятилетия назад, и уделяет не столь много внимания динамике общественных индикаторов (за исключением рождаемости) или результатам архивной революции. Например, советское развитие представляется автору «выдающимся» на основании быстрого роста в 1934–1937 и в 1950-е гг.² Для наблюдателей 1950-х гг., как например для Петера Вилеса и Мориса Добба, этот рост выглядел и в самом деле положительным и «выдающимся». Однако, с позиции человека первого десятилетия XXI в., экономический рост СССР в целом таким не был. Советский Союз к 1989 г. лишь достиг статуса страны со средним доходом, в то время как некоторые, изначально бедные страны теперь присоединились к первому миру (Япония, Южная Корея, Финляндия). Более того, наиболее населенная развивающаяся страна (Китай) прошла через два десятилетия быстрого роста. Советский рынок определенно выделяется на фоне среднего опыта Африки, Латинской Америки и Индии между 1928 и 1989 гг., но в целом он уже не «выдающийся» по мировым стандартам³. Кроме того, хотя Аллен часто ссылается на статистику национального дохода, он не пытается подсчитать индекс человеческого развития (Human Development Index). Мало внимания уделено также и сведениям, почерпнутым из открытых архивов, о ключевой роли военных приоритетов в советской экономической истории. Даже хорошо известная монография Самуэльсона не упоминается в этой связи⁴. Подобным образом, несмотря на ту роль, которую советские «потребительские успехи» играют в его аргументах, Аллен не упоминает основанную на архивных данных монографию Осокиной о потреблении в 1927–1941 гг., предлагающую совсем другую интерпретацию⁵.

Некоторым важным достижениям советской индустриализации не уделено достаточно подробное внимание в книге. Во-первых, это победа во Второй мировой войне, а также создание военной и тяжелой промышленности, благодаря которому она была достигнута. Во-вторых, достижение во-

¹ Kontorovich V. Inflation in the Soviet Investment and Capital Stock Data // *Soviet Studies*. Vol. 41. 1989. № 2. P. 318–329; Kontorovich V. Economists, Soviet Growth Slowdown and the Collapse // *Europe-Asia Studies*. Vol. 53. 2001. № 5. P. 675–695; Ханин Г.И. Указ. соч. С. 159.

² Allen P. *Op. cit.* P. 153.

³ Данные по мировому экономическому росту могут быть найдены в: Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris, 2001. Эти данные ясно указывают на зависимость сделанного заключения от выбранных для сравнения стран и периодов времени.

⁴ Samuelson L. *Plans for Stalin's War Machine: Tukhachevskii and Military-Economic Planning, 1925–1941*. N.Y., 2000.

⁵ Осокина Е.А. За фасадом «Сталинского изобилия».

енно-стратегического паритета с Соединенными Штатами в 1970-е гг. В-третьих, выход СССР к середине 1960-х гг. на уровень наиболее развитых стран по ряду социальных индикаторов (особенно в области образования и здравоохранения). В-четвертых, относительно равное распределение доходов. К несчастью для привлекательности «советского эксперимента», первое достижение обошлось чрезвычайно дорого с точки зрения потерянных жизней, а, возможно, также и с точки зрения институциональной негибкости¹. Второе достижение включало в себя значительные альтернативные издержки, как в развитии гражданского сектора, так и, возможно, в экономическом росте. Третье достижение характеризовалось последующим относительным снижением некоторых важных социальных индикаторов (например, смертности). Наконец, четвертое достижение было подорвано скрытыми привилегиями, недовольством части образованных и бюрократических слоев общества, широко распространенными дефицитами и низким уровнем потребления по сравнению со странами первого мира.

Заключение

Это полезная книга. Она может заставить читателей вновь задуматься об оценках советской экономической системы. Тем не менее, после серьезного размышления, выводы и аргументы книги могут показаться неубедительными. Пять проблем особенно очевидны. Это преувеличение влияния на экономический курс модели Фельдмана вкуче с игнорированием значения большевистской теории; умолчание о значимости ввоза технологии и модели Гомулки, ее анализирующей; мысль о том, что уровень жизни в конце 1930-х гг. был выше, чем в поздние 1920-е гг.; неадекватное внимание к роли военных факторов в истории советской экономики и искажения в использовании международных сравнений.

¹ Анализ советской экономики в период Второй мировой войны см. в: Harrison M. *Accounting for War: Soviet Production, Employment and the Defence Burden, 1940–1945*. Camb., 1996; Harrison M. *The Soviet Union: The Defeated Victor // The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison* / Ed. by M. Harrison. Camb., 1998; Ханин Г.И. Указ. соч. С. 41–61.